

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-11-1.14>

Туманин Виктор Евгеньевич, Галиуллин Марат Зуфарович

КОРОЛЕВСТВО СЕРБИЯ В ПЕРИОД РЕГЕНТСТВА В ЗЕРКАЛЕ РУССКОГО ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Статья посвящена характеристике условий развития Сербии в 1889-1893 гг. и реакции русского общества на эти события. Отречение Милана Обреновича от престола и последовавший переход власти в руки радикальной партии во главе с Н. Пашичем ознаменовали наступление нового этапа во внешней политике Королевства Сербии. Целью работы является проследить за динамикой отражения в русской общественной мысли политической жизни этого балканского государства в период регентства, определить основные тенденции в отечественной прессе того периода в освещении событий, происходивших в Белграде.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2018/11-1/14.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2018. № 11(97). Ч. 1. С. 64-67. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2018/11-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

COMPARATIVE ANALYSIS OF TWO CHAPTERS OF I. N. BEREZIN'S WORK "TRAVEL TO DAGESTAN AND THE TRANSCAUCASIA"**Polchaeva Fatimat Abdulnetifovna***Institute of History, Archaeology and Ethnography of Dagestan Scientific Center
of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala
polchaeva94@mail.ru*

The article deals with the information about the Eastern Caucasus, left by the Russian orientalist Ilya Nikolayevich Berezin in his work "Travel to Dagestan and the Transcaucasia", prepared as a result of his journey to the East; this work has become an important historical source. The author carries out the comparative analysis of the content of two chapters – "From Derbent to Kuba" and "From Kuba to Baku" – and identifies "reliable" and "probabilistic" information. Despite the fact that the work is of "journalistic" nature, it contains important epigraphic materials, information on the genealogy of Kuba khans, the construction of Derbent fortress, and so on.

Key words and phrases: travel; Dagestan; Transcaucasia; Derbent; oriental studies; historical source; I. N. Berezin; dynasties; khan; Kuba.

УДК 94

Дата поступления рукописи: 13.03.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-11-1.14>

Статья посвящена характеристике условий развития Сербии в 1889-1893 гг. и реакции русского общества на эти события. Отречение Милана Обреновича от престола и последовавший переход власти в руки радикальной партии во главе с Н. Пашичем ознаменовали наступление нового этапа во внешней политике Королевства Сербии. Целью работы является проследить за динамикой отражения в русской общественной мысли политической жизни этого балканского государства в период регентства, определить основные тенденции в отечественной прессе того периода в освещении событий, происходивших в Белграде.

Ключевые слова и фразы: история; история международных отношений; Сербия; Россия; Австро-Венгрия; Обреновичи; Балканы; зарубежное регионоведение.

Туманин Виктор Евгеньевич, к.и.н., доцент**Галиуллин Марат Зуфарович**, к.и.н.*Казанский (Приволжский) федеральный университет
v.tumanin@mail.ru; maratscorpion@yandex.com***КОРОЛЕВСТВО СЕРБИЯ В ПЕРИОД РЕГЕНТСТВА
В ЗЕРКАЛЕ РУССКОГО ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ**

22 февраля 1889 г. король Сербии Милан Обренович, несмотря на возражения Вены, отрёкся от престола в пользу своего двенадцатилетнего сына Александра Обреновича. До его совершеннолетия власть должна была принадлежать Регентскому совету во главе с Йованом Ристичем и с участием генералов Протича и Белимарковича.

Регентский совет позволил лидеру сербской радикальной партии Николе Пашичу вернуться в Сербию. На прошедших парламентских выборах радикальная партия одержала убедительную победу, набрав около 80% голосов. В феврале 1891 г. Н. Пашич возглавил правительство Сербии. Характеризуя этого политика, отечественная пресса писала о нем: «...известный своими русскими симпатиями председатель народного собрания, бывший радикальный деятель, приговоренный когда-то королем Миланом чуть ли не к смертной казни» [5, с. 859]. Такое изменение внутривнутриполитической ситуации повлекло за собой и внешнеполитическую переориентацию Сербии в сторону России.

Политические изменения в Сербии стали «явлением в высшей степени знаменательным». Для русской общественности это служило подтверждением старой истины, что «судьбы государств и народов зависят не от произвола отдельных личностей, а развиваются и совершаются в силу непреложных законов их исторического бытия» [12, с. 347].

Но «мирный государственный переворот» в Сербии, вопреки утверждениям русских патриотических изданий, возлагавших большие надежды на радикалов, вовсе не означал коренного поворота «младшего из европейских королевств» в сторону России и не повлек за собой каких-либо резких перемен в положении Сербии, хотя в сербско-русских отношениях наблюдалась определённая «оттепель».

Пожалуй, наиболее заметными были изменения в системе взаимоотношений с Австро-Венгрией, политике которой на Балканском полуострове с установлением нового правительства в Сербии был причинён «определённый ущерб». Скупщина, собравшаяся в начале октября 1890 г., состояла преимущественно из радикалов, которые выступали решительными противниками австрофильства. Поэтому становилось очевидным, что одностороннее господство австрийского влияния должно было прекратиться для Сербии. Глава регентского совета Й. Ристич 8 (20) октября 1889 г. в своей речи подчеркнул «новые драгоценные приобретения» в сфере международных отношений, а скупщина в своем ответном послании прямо указывала на необходимость «возобновления дружбы с Россией» [3, с. 422].

О новом направлении внешней политики свидетельствовали торжественность и масштабность празднования 500-летнего юбилея битвы на Косовом поле, к которому была приурочена коронация Александра Обреновича [15, с. 306]. При этом русская пресса отмечала, что король «был повсюду встречаем с большим восторгом и вообще имел несомненный успех» [2, с. 844].

Неоднократные заявления Австро-Венгрии об уважении к самостоятельности балканских государств в отношении Сербии практически сразу уступили место традиционному давлению на Белград.

В Сербии влияние Австро-Венгрии осуществлялось посредством регентов, которые служили своеобразным противовесом радикалам, опиравшимся на большинство в Скупщине, и тормозили их усилия «вывести молодое Королевство на самостоятельный путь» [14, с. 317]. Немало способствовал этому и вновь назначенный австро-венгерский посланник при сербском дворе генерал Теммес, развивший активную деятельность по воссозданию преданной монархии Габсбургов партии.

В своей речи на открытии заседания делегаций австрийского и венгерского парламентов император Франц-Иосиф, упомянув о полученном от регентов формальном заверении в соблюдении дружественных отношений с Австро-Венгрией, дал понять, что «несоблюдение этого обещания грозит Сербии серьёзной опасностью» [12, с. 349]. Однако австро-венгерский министр иностранных дел граф Густав Кальноки имел другую точку зрения, полагая, что «упразднение сдерживающих политические страсти преград и стеснений» нельзя расценивать как повод к немедленному осуществлению «неких фантастических идей и мечтаний, всплывших на поверхность» [14, с. 317], и предлагал потерпеть и воочию убедиться, исполняют ли регенты принятое ими на себя обязательство сохранить в неизменности систему отношений с Двуетной монархией, установленную королём Миланом Обреновичем.

Только в том случае, если речительства эти окажутся недостаточными, Австро-Венгрия сумеет отстоять свои интересы. Возможное силовое давление откладывалось до тех пор, пока осуществление великосербской идеи, объединение всех «исконно» сербских земель, не явится непосредственной угрозой целостности монархии Габсбургов, что, как предполагал министр Кальноки, произойдёт ещё нескоро, учитывая слабость и малые размеры Сербии.

На протяжении всего периода регентства политические силы Вены высказывали постоянное недовольство Белградом, а точнее – сербскими политическими партиями [7, с. 28], от которых исходили национально-патриотические настроения, вступающие якобы в противоречие с международными трактатами. Министр иностранных дел, граф Г. Кальноки с завидной регулярностью грозил Сербии разными бедами и предлагал ей последовать примеру Болгарии и сосредоточиться на «упрочении вещественного своего преуспеяния» – приведении в порядок внутренних дел, «не задаваясь целями так называемой высшей политики» [Там же, с. 29].

В Белграде осознавали важность «вещественного преуспеяния», без которого невозможно было прийти к более полной политической самостоятельности от Вены. Поэтому правительство радикалов во главе с генералом Савой Груичем, который, заметим, до этого был сербским посланником в Петербурге, при поддержке Скупщины провело ряд реформ, касавшихся внутривнутренних отношений, хозяйства, финансов, просвещения, армии и церковных дел. Эти преобразования были направлены на устранение наиболее серьёзных препятствий на пути нормального развития Сербии, прежде всего – на достижение финансовой и экономической независимости страны от иностранного капитала. Именно в этом контексте следует рассматривать действия сербского правительства, жестко поступившего с французской железнодорожной компанией, – оно попросту национализировало дорогу, возместив финансовые претензии «заинтересованных капиталов» [4, с. 420]. Тот же сценарий был применён в отношении соляной монополии англо-австрийского банка, несмотря на подписанный многолетний контракт и шум, поднятый австрийской прессой по этому поводу. Как и в первом случае, дело должно было закончиться уплатой банку нескольких миллионов, согласно первоначальному предложению правительства. Как было подчеркнуто в российской прессе, «мирное внутреннее развитие Сербии не задерживается уже ни бесцельной и разорительной игрой в “высшую политику”, ни постоянными политическими интригами, увлекавшими короля Милана; страна мало-помалу освобождается от наложенных на неё финансовых пут» [Там же].

На внешнеполитической арене в период регентства Сербия поддерживала ровные отношения со всеми европейскими государствами, расширение в «направлении этнографическом» оставалось делом неопределённого будущего. Тем не менее со стороны Германии и Австро-Венгрии Белград снискал прочную «немильность» – как писала российская пресса, «из всех балканских государств в немилости у Берлина – одна Сербия» [12, с. 357]. Одной из причин этого, по мнению современников, были энергичные действия сербского правительства, создававшие определённую экономическую «изолированность» страны, которые вылились в конечном итоге в открытую борьбу с Австро-Венгрией.

Двуетная монархия применила испытанное средство – экономическое давление, используя одно из слабых мест Сербии – экспорт продовольственных товаров. Вслед за раздражённой угрозой министра иностранных дел Кальноки о применении к Сербии «энергичных мер» последовало распоряжение венгерского министра земледелия о запрещении провоза в Венгрию свиней из Сербии под предлогом разразившейся там эпидемии. Цель этой экономической войны, имевшей «чисто политическую подкладку», была ясна: вывоз скота, преимущественно свиней, через венгерскую границу являлся главным предметом сербского экспорта и приносил сербской казне, по оценке современников, около 15 млн рублей серебром, что составляло треть общего ежегодного дохода. Запрет вывоза свиней наносил Сербии колоссальный урон и должен был склонить её к уступкам.

Однако сербское правительство на сей раз проявило твёрдость и ответило ограничением для многих австрийских и венгерских товаров. Когда запрет вывоза коснулся сербских кож и хлеба, сербские предприниматели прекратили всякие отношения с австро-венгерскими фабрикантами и направили вывоз хлеба в обход Двуетной монархии, через Салоники. Столь же радикальные меры планировалось принять и для разрешения

«свиного вопроса»: около Белграда планировалось строительство скотобоен и завода для соления и копчения 300 тыс. свиней в год, которые предполагалось доставлять в Европу через Салоники. Этот чрезвычайно выгодный проект заинтересовал и другие европейские страны, в частности Италию.

Активный отпор со стороны Сербии, как и протесты со стороны австрийских и германских фабрикантов, терпевших убытки, вынудили венское правительство, не отменяя своего официального запрета, пойти на некоторые уступки. Одновременно оно вошло в соглашение с бароном Гиршем о продаже принадлежащей ему железной дороги на Салоники с тем, чтобы сделать сербский вывоз туда невозможным. Белград также предпринял меры и вступил в переговоры с неким «богатым салониццем» Хамди-беем: последний предпринял широкомасштабные работы по регулированию реки Вардар по всему протяжению приобретённой Австрией железной дороги, идущей по берегу этой реки. Таким образом, Сербия при помощи вложения значительных субсидий намеревалась ускорить работы по прокладке нового и более удобного пути в Салоники в обход австрийской железной дороги.

По сообщениям русских современников, если Сербия «будет продолжать действовать с теперешней энергией и разумным патриотизмом», то её начинания окончатся вероятной удачей, тем более что Германия неодобрительно относилась к новой фазе австро-венгерской политики в отношении Сербии [1, с. 139].

Современники отмечали, что «дело не обойдётся без борьбы», которая «решит спор между исторически-народным течением и усилиями средневропейской дипломатии включить Сербию в сферу мощи австро-мадьярской империи» [13, с. 325].

Проводником австрийского влияния оставался экс-король Милан Обренович, чей неопределённый статус и нерешённые семейные дела составляли значительную часть «сербского вопроса». Став основной мишенью для критики русской прессы, М. Обренович был заклеен как «такое исключительное в нравственном отношении явление, что ему трудно даже приискать приличное имя» [16, с. 378].

Наиболее отчётливо влияние «австро-немецкой интриги» проявилось в ходе семейного кризиса в сербской правящей династии, апофеоз которого пришёлся на период Регентства. Предметом внешнеполитических манипуляций стала упорная борьба королевы Наталии за право воспитания юного короля Александра, сопряжённая с необходимостью её возвращения в Сербию. В этом споре общественное мнение «всей России всегда находилось на стороне королевы Наталии». Это вызвало противодействие со стороны Милана Обреновича и Регентского совета в лице Й. Ристича. В результате, после недолгого периода возвращения, Наталия Обренович, согласно решению Скупщины, была лишена права въезда в Сербию до совершеннолетия Александра и была вынуждена покинуть страну. Такие действия сербских политиков вызвали бурю негодования у русского общества, на страницах отечественных изданий появились обвинения, что «никто из сербских “политиков”... из своекорыстных видов не подали руки помощи несчастной женщине» [3, с. 418].

Этот конфликт, прямо вовлекший в свою орбиту Австро-Венгрию и Германию и опосредованно – европейскую общественность, практически не затронул Россию. Во-первых, оставались в силе Рейхштадское соглашение 1876 г. и Будапештская конвенция 1877 г. между Россией и Австро-Венгрией, согласно которым эта часть Балкан считалась сферой преимущественных интересов Вены. Во-вторых, внутривосточные изменения в Сербии совпали с переоценкой русским обществом роли России в данном регионе в сторону её дальнейшего «сосредоточения» и обращения к собственным хозяйственно-экономическим нуждам. Политика на Балканах с её традиционным стремлением к Проливам и покровительством православным народам уже не отвечала времени и воспринималась многими как исторический анахронизм. Это нашло отражение и на страницах русской периодики того времени. Вступая в дискуссию со славянофилом А. А. Киреевым, один из авторов «Русского обозрения» задавался вопросом: «Неужели одного имени и более или менее сомнительных этнографических особенностей достаточно, чтобы перевесить единство, основанное на тождестве материальных, а в значительной мере и нравственных интересов? Неужели неопределённых этнографических данных достаточно, чтобы перевесить силу государственного единства?» [8, с. 895].

В связи с этим, несмотря на всеобщее сочувствие королеве Наталии, русские общественные и политические круги стояли на позиции невмешательства во внутренние дела Сербского королевства и наиболее правильным решением считали «предоставить им (сербам) устраиваться, как хотят», полагая, что это подвигнет Сербию проникнуться «сочувствием и благодарностью к России за нашу свободу бездействия... С тех пор как мы перестали хлопотать о сербах, вернулась мало-помалу их дружба», – отмечали русские современники [3, с. 416].

Этому самоустранению России, в соответствии с мнением современников, в немалой степени способствовали несколько факторов. Готовность русской дипломатии «выгрести для них (Европы) жар русскими руками» вызывала недоумение и прямые обвинения в «доступности чужеземным влияниям» даже со стороны консервативных изданий [11, с. 333].

Отсутствие твёрдой внешнеполитической линии привело к бытованию в русском обществе устаревшей славянофильской модели восприятия Сербии наравне с другими государствами Балканского полуострова как «меньших братьев», без учёта произошедших изменений. Ориентация на Россию воспринималась как «свободное и естественное развитие Сербии», «пробуждение народного самосознания» [Там же], на которое посягает Австро-Венгрия.

Неприятный осадок оставляла двусмысленная политика главы Регентства Й. Ристича, который ещё во время работы Берлинского конгресса ловко лавировал между Австро-Венгрией и Россией. «Никто лучше его не знает, что Сербия всем обязана одной только России, – писал журнал “Русское обозрение”, – и никто лучше его не заверяет венских дипломатов, что Сербия никогда не забудет “благоденствие” Австрии» [17, с. 402].

Политическая «эквилибристика» Й. Ристича и его некрасивая роль в конфликте короля Милана и королевы Наталии, когда он принял сторону первого «и не щадил усилий, чтобы унижить, оскорбить вторую», вызывала недоверие России и достаточно негативную реакцию со стороны русского общества, в глазах которого все

государи Балканского полуострова, за исключением черногорского князя Николая, попадали в разряд «ложных друзей» и «двуличных союзников», «недоброжелателей, лишь прикрывающихся личиной дружбы» [11, с. 334].

Эта точка зрения разделялась и русским правительством. На военном празднике в Петергофе Александр II во всеуслышание объявил князя Николая Черногорского «единственным искренним и верным другом России». Эти высочайшие слова «не заключают в себе угрозы, ниже малейшего выражения порицания или неудовольствия», напротив, «они только устанавливают несомненный исторический факт, подтверждаемый вековым историческим опытом» [Там же].

12-28 июня 1891 г. состоялось европейское турне короля Александра Обреновича, в рамках которого он посетил Санкт-Петербург, Москву, Киев, а затем Вену. И если «немецкая» партия при петербургском дворе была недовольна визитом в Россию сербского короля Александра, то Австро-Венгрия обрушила на Сербию поток наставлений и нравоучений. «Neue Freie Presse» в резких и категоричных выражениях писала, что сербы «должны остерегаться всяких стремлений к национальному объединению и не забывать, что от Белграда до Земуна недалеко» и маленькое Королевство находится в полной зависимости от империи Габсбургов [6, с. 21].

Одна из ведущих сербских газет, издаваемая радикальной партией, – «Одъек» («Эхо») – поместила свой ответ на эти инсинуации. «Мы не видим никакой разницы между национальной самостоятельной политикой и мечтой о великом сербском королевстве». Апеллируя к объединению Италии и Германии, газета писала, что «логика и история указывают, что все национальные государства образовались таким путём. Вот почему нельзя требовать от сербов, чтобы мечты о великом сербском королевстве они считали утопией... Сербский народ заслуживает этого уже за многовековую борьбу его за цивилизацию, за то, что он так долго служил оплотом мира и культуры Европы» [Там же].

Российские же публицисты с осторожной надеждой смотрели на визит сербского короля в Россию. «Посещение сербским королем Александром может сделаться началом новой эпохи нормальных отношений между Россией и Сербией», – писал автор «Русского обозрения», делая при этом оговорку, – «если только не последует какого-нибудь нового поворота в сербской политике» [9, с. 824].

Рассуждая о будущем Балканского полуострова и о судьбе его «отдельных племенных единиц», русские публицисты полагали, что его благополучие зависит не столько от исхода соперничества европейских государств за «влияние» на их дальнейшую судьбу, сколько от внутреннего единства.

1 апреля 1893 г. юный король Александр произвел переворот, объявив себя совершеннолетним. «Сербская революция», как окрестили переворот русские современники, вызвала неоднозначную реакцию европейских государств: от благодушной (Россия и Франция) до ехидно-ворчливой (Великобритания и Германия). Практически полное отсутствие достоверной информации сделало апрельский переворот в глазах европейской и русской общественности «белградской загадкой».

Список источников

1. В. Т. Политическая летопись // Северный Вестник. 1890. № 8. С. 134-147.
2. Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1889. Т. 4. С. 836-849.
3. Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1889. Т. 6. С. 411-422.
4. Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1890. Т. 1. С. 403-420.
5. Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1891. Т. 2. С. 846-860.
6. Политическая хроника // Наблюдатель. 1891. № 9. С. 12-22.
7. Политическая хроника // Наблюдатель. 1891. № 10. С. 18-32.
8. Современная летопись // Русское обозрение. 1891. Т. 2. С. 879-899.
9. Современная летопись // Русское обозрение. 1891. Т. 4. С. 822-851.
10. Татищев С. С. Политическое обозрение // Русский вестник. 1889. Т. 201. С. 334-349.
11. Татищев С. С. Политическое обозрение // Русский вестник. 1889. Т. 203. С. 324-336.
12. Татищев С. С. Политическое обозрение // Русский вестник. 1889. Т. 204. С. 346-357.
13. Татищев С. С. Политическое обозрение // Русский вестник. 1889. Т. 205. С. 315-326.
14. Татищев С. С. Политическое обозрение // Русский вестник. 1890. Т. 209. С. 304-320.
15. Чиркович С. История сербов. М.: Весь мир, 2009. 448 с.
16. Spectator. Текущие вопросы международной политики. Дипломатические путешествия // Русское обозрение. 1891. Т. 4. С. 394-404.
17. Spectator. Текущие вопросы международной политики. Сербские скандалы // Русское обозрение. 1891. Т. 2. С. 377-385.

THE KINGDOM OF SERBIA IN THE REGENCY PERIOD IN THE EYES OF THE RUSSIAN PUBLIC OPINION

Tumanin Viktor Evgen'evich, Ph. D. in History, Associate Professor
 Galiullin Marat Zufarovich, Ph. D. in History
 Kazan (Volga Region) Federal University
 v.tumanin@mail.ru; maratscorpion@yandex.com

The article focuses on characterizing the conditions of Serbia's development in 1889-1893 and the response of the Russian society to these events. Milan Obrenović's abdication and the subsequent transfer of power to the radical party headed by N. Pašić marked the opening of a new period in the Kingdom of Serbia's foreign policy. The paper aims to trace the dynamics of the representation of this Balkan state's current political life in the Russian social thought, to identify the basic tendencies in the domestic press of the mentioned period when describing the events in Belgrade.

Key words and phrases: history; history of international relations; Serbia; Russia; Austria-Hungary; Obrenović dynasty; Balkans; foreign regional studies.